

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Адвокатура въ древнихъ Аѳинахъ и одинъ изъ ея представителей ¹⁾).

Проф. Т. Ф. Шульца.

Милостивые государи и милостивыя государыни!

Съ адвокатурою неразрывно связано право высказывать открыто свои убѣжденія передъ публикою. Нигдѣ это право не было такъ безгранично, какъ въ Аѳинахъ во время полнаго расцвѣта демократіи, когда всѣ дѣла, къ какой бы сферѣ государственной жизни они ни относились, вѣдались самимъ народомъ въ народныхъ собраніяхъ и въ народныхъ судахъ,—когда не запрещалось говорить публично что угодно о чемъ и о комъ угодно, лишь бы только высказываемое было достаточно мотивировано,—когда всякому гражданину было предоставлено право вносить предложеніе объ отмѣнѣ любого закона и о замѣнѣ его новымъ,—когда всякое должностное лицо могло подвергаться публично насмѣшкамъ и нападкамъ и могло быть во всякое время устранено отъ исполненія возложенныхъ на него обязанностей и привлечено къ отвѣтственности по заявленію любого гражданина.—Такой неограниченной свободой слова Аѳиняне были обязаны прежде всего исторически установившемуся стремленію населенія къ демократіи, и затѣмъ Периклу—этому гениальному выразителю этого стремленія и руководителю капризнаго народа, сумѣвшему заслужить такое довѣріе Аѳинянь, что всѣ тѣ и только тѣ мѣропріятія проходили у народа, которыя одобрялись Перикломъ. Но даже этотъ человѣкъ, въ рукахъ котораго, по выраженію Фукидида, сосредоточивалась вся власть, былъ однажды приговоренъ народомъ къ уплатѣ большого денежнаго штрафа и подвергался разнаго рода насмѣшкамъ въ комедіяхъ современныхъ ему авторовъ.

Свободой слова Аѳиняне пользовались широко и чѣмъ больше выступало ораторовъ, тѣмъ строже, понятно, становилась оцѣнка произносимыхъ ими рѣчей.

Такимъ образомъ силою самихъ обстоятельствъ у Аѳинянь было вызвано развитіе искусства краснорѣчія, которое въ произведеніяхъ

¹⁾ Рѣчь, произнесенная на актѣ 17 января 1897 г. въ Харьковск. университетѣ.

„Записки Императ. Харьк. Универ.“, II вып. 1897 г.

Демосэена достигло такого совершенства, къ которому можно близко подойти, но превзойти котораго до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, никому не удалось.

Само собою понятно, что такое развитіе краснорѣчія не могло не отразиться и на тѣхъ рѣчахъ, которыя произносились на судѣ, и что въ Аѣинахъ должна была возникнуть адвокатура. Но, какъ аѣинское судопроизводство отличалось отъ современнаго, такъ и ихъ адвокатура отличалась отъ адвокатуры современной.

По нашимъ понятіямъ адвокатъ есть человѣкъ, выступающій передъ судомъ въ защиту интересовъ своего кліента. Въ древнихъ Аѣинахъ адвокатовъ въ такомъ смыслѣ, за немногими исключеніями, не было. Дѣло въ томъ, что у Аѣинянъ заинтересованное лицо должно было вести само свой процессъ передъ судомъ. Этимъ основнымъ положеніемъ Аѣинскаго права, представляющимъ, къ слову сказать, остатокъ первобытныхъ условій судоговоренія, устраняется то, что мы называемъ адвокатурою, и въ греческомъ языкѣ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго нашему „адвокатъ“ въ полномъ его объемѣ ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе говорить объ адвокатурѣ у Аѣинянъ, какъ я полагаю, можно. Если у насъ съ представленіемъ объ адвокатѣ неразрывно связано выступленіе его передъ судомъ, то это въ сущности не главная изъ его обязанностей. Отъ адвоката прежде всего требуется знаніе права и затѣмъ — чтобы онъ, изучивъ порученный ему процессъ, извлекъ изъ него тѣ данныя, которыя говорятъ въ пользу его кліента. Если имѣть въ виду эту сторону дѣятельности адвокатовъ, то мы имѣемъ полное право говорить объ адвокатахъ у Аѣинянъ и, какъ увидимъ, дѣятельность ихъ была даже нѣсколько шире, чѣмъ дѣятельность нынѣшнихъ адвокатовъ.

Окинемъ бѣглымъ взглядомъ процессуальную часть Аѣинскаго права.

Дѣленіе судебныхъ дѣлъ по роду ихъ у Аѣинянъ нѣсколько отличалось отъ нашего. У Аѣинянъ нашимъ гражданскимъ и частнымъ уголовнымъ дѣламъ соотвѣтствовали, по ихъ терминологіи, частныя дѣла (*αἰῶνες ἴδιοι*), т. е. такія, въ которыхъ потерпѣвшими являлись только частныя лица, а интересы государства или общества не затрогивались. Характеръ этихъ процессовъ можно отмѣтить слѣдующими чертами: жалобы въ нихъ могли подавать только сами потерпѣвшіе, а за негражданъ лица, заступающія ихъ передъ закономъ (*κρίριοι*). Затѣмъ, если подавшій жалобу выигрывалъ процессъ, то спорный объектъ или наложенная пеня поступала, за немногими исключеніями, цѣликомъ въ его

¹⁾ Проф. А. Н. Стояновъ въ сочиненіи „Исторія адвокатуры“, рассматривая адвокатуру у Аѣинянъ съ точки зрѣнія государственнаго права, приходитъ къ выводу, что она не можетъ быть подведена подъ понятіе адвокатуры.

пользу, а если онъ его проигрывалъ, то не подлежалъ наказанію.— Второй родъ представляютъ процессы народные, какъ называли ихъ сами Аѳиняне (*ἀγῶνες δημόσιοι*). Въ этихъ процессахъ однако, не смотря на общій терминъ, которымъ всё они обозначались, выдѣляется два типа: 1) такіе процессы, въ которыхъ главнымъ образомъ затрогивались интересы частныхъ лицъ и только косвенно интересы государства— ихъ можно сравнить съ нашими публичными уголовными процессами— и 2) такіе, въ которыхъ, наоборотъ, государство было заинтересовано непосредственно—наши государственные процессы. Характерно для этихъ „народныхъ“ процессовъ было то, что возбудить преслѣдованіе имѣлъ право всякій полноправный гражданинъ, что налагаемая наказанія поступали пѣликомъ въ пользу государства (при чемъ лишеніе жизни, свободы или чести считалось вознагражденіемъ государства за нарушеніе его интересовъ) и только въ немногихъ случаяхъ, когда наказанія состояли въ денежномъ штрафѣ, этотъ послѣдній дѣлился между государствомъ и заинтересованнымъ частнымъ лицомъ,—и что обвинитель, если онъ отказывался продолжать начатое дѣло или если въ его пользу подавалось менѣе одной пятой голосовъ наличныхъ судей, подвергался крупному денежному штрафу и лишался права возбуждать „народные“ процессы.

Важнымъ моментомъ для занимающаго насъ вопроса является въ процессахъ дѣленіе ихъ на такіе, въ которыхъ наказаніе было определено закономъ или народнымъ постановленіемъ, и такіе, въ которыхъ наказаніе устанавливалось самими судьями, согласно предложенію сторонъ (*ἀγῶνες ἀτίμητοι* и *τιμητοί*).

Всѣ данныя, законы, народные постановленія, необходимыя для выясненія дѣла, должны были доставлять сами стороны. Государство давало только судей и исполнителей ихъ рѣшеній. Притомъ у Аѳинянъ строго различались руководители суда (*ἡγεμόνες δικαστηρίου*), какъ они ихъ называли, и собственно судьи. На обязанности первыхъ лежало принятіе жалобъ, предварительное слѣдствіе, предсѣдательство въ судѣ (почему они и назывались руководителями суда) и забота о приведеніи рѣшеній въ исполненіе. Самое рѣшеніе дѣла принадлежало уже собственно судьямъ, которые должны были устанавливать и наказаніе въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ.

Только для разбора мелкихъ частныхъ дѣлъ существовала судебная коллегія, которая соединяла въ себѣ функціи руководителей суда и судей, именно: *οἱ κατὰ δῆμονος δικασταί*, или *οἱ τετταράκωντα*. Эта-же самая коллегія функционировала однако въ качествѣ только руководителя суда въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшенныя ею дѣла поступали по апелляціи въ народный судъ.—Еще въ одномъ случаѣ одно лицо сое-

*

дiniaло въ себѣ функціи руководителя суда и судьи, именно, архонтъ *βασιλεύς*, который, будучи предсѣдателемъ въ судѣ Ареопага, подавалъ свой голосъ и при постановкѣ вердикта. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ роли руководителей суда и судей строго разграничивались. Руководителями суда бывали различныя должностныя лица и коллеги, завѣдывавшія различными отраслями управленія, смотря по тому, къ чьей компетенціи принадлежалъ данный процессъ, хотя въ извѣстныхъ предѣлахъ эти-же лица и коллеги могли рѣшать дѣла и самостоятельно, причѣмъ однако на рѣшенія ихъ можно было подавать аппелляцію въ народный судъ. Для нѣкоторыхъ процессовъ, впрочемъ, состояло двѣ коллеги, спеціальнымъ назначеніемъ которыхъ было руководство въ судѣ: *εἰσαγωγεῖς* и упомянутые *οἱ τετταράκοντα*.

Что касается судей, то въ дѣлахъ о предумышленномъ убійствѣ, увѣчыи и поджогѣ судилъ Ареопагъ подъ руководствомъ архонта *βασιλεύς*'а. Во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ судьями были гелиасты, т. е. избираемые на одинъ годъ по жребію граждане, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ народное собраніе.

Еще на одно обстоятельство я долженъ указать здѣсь. У Аѳинянъ существовало много видовъ жалобъ, отличавшихся болѣе съ формальной стороны и обусловливавшихся самими обстоятельствами, при которыхъ обнаруживалось преступленіе, но въ зависимости отъ нихъ нерѣдко стоялъ и весь ходъ процесса по отношенію къ составу судей: по одной жалобѣ процессъ долженъ былъ разбираться, напр., въ судѣ гелиастовъ, а по другой—въ народномъ собраніи и т. п.

Я далъ вамъ, Мм. Гг. и М-ня Г-ни, только самый общій очеркъ процессуальной стороны судебного устройства у Аѳинянъ и отмѣтилъ только то, что мнѣ казалось нужнымъ для уясненія роли адвокатовъ у нихъ.

Установившееся обычаемъ правило, чтобы лицо, подавшее жалобу, вело и процессъ, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ было лицо потерпѣвшее, чтобы именно это лицо подавало и жалобу, соблюдалось очень строго, и въ рѣчахъ, дошедшихъ до насъ, мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ мотивировку права начать данный процессъ. То-же самое относится и къ обвиняемымъ: они должны были защищаться сами. Понятно, что мелкіе частныя процессы могли вести заинтересованныя лица безъ посторонней помощи, хотя и въ этихъ случаяхъ, конечно, иногда обращались за совѣтомъ къ людямъ опытнымъ и знающимъ право. Но положительнаго мы ничего не можемъ сказать о такого рода процессахъ, такъ какъ никакихъ свѣдѣній о нихъ мы не имѣемъ. Дѣятельность тѣхъ лицъ, которыхъ я называю адвокатами, связана съ тѣми процессами, которые разбирались гелиастами, народнымъ собраніемъ, Ареопа-

гомъ. Здѣсь нельзя было ограничиться установленіемъ фактовъ, разъяснявшихъ дѣло; здѣсь нужно было въ рѣчи сгруппировать факты въ надлежащемъ порядкѣ и освѣтить ихъ такъ, чтобы дѣло было для судей совершенно ясно. Дѣло въ томъ, что рѣчи сторонъ замѣняли наше судебное слѣдствіе. Обыкновенный ходъ процесса былъ таковъ: подающій жалобу соответствующему должностному лицу или коллегіи долженъ былъ въ присутствіи свидѣтелей пригласить подсудимаго явиться къ тому-же лицу или коллегіи. Затѣмъ назначался день для предварительнаго слѣдствія, въ которомъ обвинитель и обвиняемый подтверждали подъ присягою правильность первый обвиненія, а второй своихъ возраженій. Затѣмъ стороны доставляли свои доказательства, которыми служили законы, народныя постановленія, частныя документы, свидѣтельскія показанія, показанія рабовъ и клятвы. Всѣ собранные такимъ образомъ документы и протоколы хранились запечатанными до судебного разбирательства дѣла. Въ самомъ засѣданіи суда, въ которомъ предсѣдательствовало то-же лицо или коллегія, которыя вели предварительное слѣдствіе, прочитывалась секретаремъ жалоба и возраженіе подсудимаго, затѣмъ предоставлялось слово обвинителю, а послѣ него подсудимому. За этими рѣчами могло слѣдовать еще по одной рѣчи каждой изъ сторонъ. Говорящіе могли производить просьбу свидѣтелей и требовать, чтобы прочитывались документы и протоколы, на которые они ссылались. Нерѣдко послѣ рѣчей сторонъ, по ихъ просьбѣ и съ разрѣшенія судей, произносились въ ихъ пользу рѣчи и другими лицами, функція которыхъ уже очень близко подходит къ роли современныхъ адвокатовъ. Такъ, напр., было въ извѣстномъ процессѣ о золотомъ вѣнкѣ, которымъ, по предложенію Ктесифонта, долженъ былъ быть награжденъ Демосѣенъ. Это предложеніе было обжаловано Эхиномъ, доказывавшимъ, что оно противозаконно. Ктесифонтъ явился подсудимымъ и произнесъ конечно рѣчь, которая намъ однако неизвѣстна, но затѣмъ въ защиту его выступилъ самъ Демосѣенъ и произнесъ рѣчь, которая представляетъ *chef d'oeuvre* ораторскаго искусства. Впрочемъ, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ Ктесифонтъ только формально фигурировалъ въ качествѣ подсудимаго, а *de facto* процессъ былъ направленъ противъ Демосѣена, котораго политическій его противникъ Эхинъ хотѣлъ лишить того вліянія, которымъ онъ пользовался у народа, то Демосѣену пришлось произнести рѣчь собственно въ защиту самого себя. Но до насъ дошло нѣсколько рѣчей Лисія и Демосѣена, которыя были произнесены въ частныхъ процессахъ прямо въ интересахъ ихъ кліентовъ.

За рѣчами непосредственно слѣдовала постановка рѣшенія подачею голосовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вслѣдъ затѣмъ, тоже голо-

сованіємъ, опредѣленіе наказанія согласно предложеніямъ обвинителя или обвиняемаго.

При такомъ ходѣ процесса само собою понятно, что рѣчи сторонъ приобрѣтали въ немъ громадное значеніе и что не всякій могъ рассчитывать на благопріятный исходъ дѣла, опираясь только на правоту его. И вотъ, естественно, понадобились люди, которые знаніемъ обычнаго права, законовъ, народныхъ постановленій и т. п. могли бы помочь повести дѣло удачно. Но этого мало, самая рѣчь передъ судомъ должна была быть составлена умѣло, чтобы могла произвести надлежащее впечатлѣніе на судей, т. е. явилась надобность въ людяхъ, которыхъ я сравниваю съ нашими адвокатами. И такіе люди явились. Это были такъ называемые *λογογράφοι*, т. е. писатели рѣчей. Какъ велика была потребность въ нихъ, видно изъ того, что такіе ораторы, какъ, напр., Лисій и Демосѣенъ, дѣлались логографами для поправленія своего разстроеннаго состоянія и дѣйствительно достигали этой цѣли. Притомъ нельзя упускать изъ виду, что логографы, какъ таковые, не пользовались уваженіемъ въ виду того, что ихъ убѣжденія считались продажными. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на Демосѣена, о которомъ сложилось мнѣніе, что онъ написалъ рѣчи для обвинителя и обвиняемаго въ одномъ и томъ-же процессѣ. Какъ бы то ни было, логографы были необходимы и къ ихъ услугамъ обращались многие.

Но откуда они брались?

Изо всего сказаннаго мною, полагаю, ясно, что для того, чтобы сдѣлаться логографомъ, нужна была подготовка, — и эта подготовка давалась логографамъ въ школахъ риторовъ. Специальной юридической подготовки эти школы не давали, но въ кругъ ихъ преподаванія входило все, что могло сдѣлать человѣка всесторонне образованнымъ. Если одинъ риторъ-учитель свою программу опредѣлялъ такъ, что онъ общается своимъ слушателямъ умѣніе говорить обо всемъ, другой устанавливалъ цѣлью своего преподаванія умѣніе точно различать оттѣнки въ значеніи словъ, третьи, собственно риторы, учили правильно и красиво говорить и преподавали правила построенія рѣчи, то цѣлью преподаванія всѣхъ ихъ было усвоеніе роднаго языка въ совершенствѣ, для чего было необходимо возможно широкое приобретеніе понятій изъ всѣхъ областей знанія. Въ кругъ этихъ знаній входила и юриспруденція, особенно въ Аѳинахъ, гдѣ, по выраженію одного древняго писателя, разбиралось разнаго рода процессовъ больше, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ людей вмѣстѣ взятыхъ ¹⁾.

¹⁾ Ps.—Xen. de rep. Ath. 3, 2.

Такимъ образомъ будущіе логографы приобрѣтали у риторовъ подготовку въ ораторскомъ искусствѣ. Съ такой подготовкою ученики риторовъ сами открывали школы риторики или дѣлались учеными, логографами и общественными дѣятелями. Въ послѣднемъ случаѣ имъ открывалось широкое поприще для примѣненія приобретенныхъ знаній и умѣнія говорить: силою своей многосторонней образованности и рѣчи они могли дѣйствовать на народъ въ судахъ и народныхъ собраніяхъ и дѣлаться его руководителями. Но нелегка была такого рода дѣятельность и не всѣ прошедшіе школу риторики рѣшались взяться за нее. Аѣины послѣ Персидскихъ войнъ и особенно во время Перикла сдѣлались и оставались затѣмъ долгое время центромъ умственной и художественной жизни Греціи и всего міра. Всѣ лучшія силы стремились въ Аѣины, гдѣ они находили радушный приемъ и обширное поприще для своей дѣятельности. Произведенія этихъ людей находили въ Аѣинахъ надлежащую оцѣнку и дѣлались достояніемъ всего ихъ населенія, которое въ свою очередь изощряло на нихъ свой вкусъ. Воспитанные на произведеніяхъ такихъ людей, какъ Эсхиль, Софокль, Перикль, Фукидидъ, Платонъ, Фидій и многіе другіе, Аѣиняне привыкли требовать полной законченности и гармоніи въ отдѣльных частяхъ отъ всякаго произведенія и переносили эти требованія и на ораторовъ, выступавшихъ передъ ними. Какъ бы ни была превосходна рѣчь сама по себѣ, она не могла произвести на Аѣинянъ надлежащаго впечатлѣнія, если ораторъ не обладалъ всѣми данными для произнесенія ея вполне безукоризненно. Здѣсь играли важную роль такіе моменты, какъ сила голоса, умѣніе держать себя на каѣдрѣ съ достоинствомъ и необходимымъ спокойствіемъ. Неясное произношеніе отдѣльных звуковъ, неумѣстная и излишняя жестикуляція, при которой складки плаща могли получить форму, несоотвѣтствующую достоинству образованнаго человѣка,—все это вызывало смѣхъ и вполне парализовало дѣйствіе рѣчи. Сколько пришлось поработать надъ самимъ собою Демосѣену для того, чтобы избавиться отъ подобныхъ недостатковъ и заставить наконецъ Аѣинянъ слушать его безъ смѣха! Чтобы научиться правильно произносить звукъ „р“, онъ декламировалъ съ камушкомъ во рту; чтобы усилить голосъ, онъ на берегу моря старался перекричать шумъ волнъ; взбираясь на горы онъ произносилъ громкимъ голосомъ длинныя періоды, чтобы научиться правильно пользоваться дыханіемъ и не дѣлать неправильныхъ остановокъ въ рѣчи вслѣдствіе недостатка воздуха; въ жестикуляціи, мимикѣ, держаніи складокъ плаща и тому подобныхъ внѣшнихъ приемахъ онъ упражнялся передъ зеркаломъ. Трудно было для оратора угодить Аѣинскому народу и неудивительно, что народными ораторами и общественными

дѣтелями дѣлались только немногіе ученики раторовъ. Другіе же избирали специальную область знаній и разрабатывали ее въ ученыхъ трудахъ, а тѣ, которымъ пріобрѣтенныя знанія служили, такъ сказать, капиталомъ, на проценты съ котораго они должны были жить, дѣлались учителями риторики и логографами.

Изъ сказаннаго видно, что логографами дѣлались люди, имѣвшіе не специальную юридическую подготовку, а получившіе всестороннее образованіе, то, что Греки называли *ἐγκύκλιος παιδεία*. Специальныя знанія, которыя были имъ необходимы для того, чтобы сдѣлаться по преимуществу юристами, и которыми они выдѣлялись среди остальныхъ получившихъ одинаковое съ ними образованіе, они пріобрѣтали уже впоследствии, когда приступали къ самостоятельной дѣятельности на избранномъ поприщѣ.

Что было обязанностью логографовъ по отношенію къ кліентамъ, вытекаетъ само собою изъ хода судебного процесса, который я отмѣтилъ въ общихъ чертахъ: логографъ-адвокатъ долженъ былъ собрать весь необходимый матеріалъ для предварительнаго слѣдствія и затѣмъ написать рѣчь для судебного слѣдствія, которую кліентъ уже выучивалъ и произносилъ на судѣ. Но это еще не все. Адвокатъ долженъ былъ во многихъ случаяхъ указать ту инстанцію, вѣдѣнію которой подлежало данное дѣло, что въ сложныхъ процессахъ часто было нелегко. Затѣмъ адвокатъ долженъ былъ избрать наиболѣе выгодный видъ жалобы и, наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ наказаніе опредѣлялось самимъ судомъ, онъ долженъ былъ намѣтить *подходящую* кару, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ рисковалъ, что предложеніе его будетъ отвергнуто и будетъ принято предложеніе противной стороны.

Изъ сказаннаго дѣлается яснымъ, сколько умѣнія и труда приходилось прилагать адвокату въ каждомъ порученномъ ему процессѣ и что вся подготовительная работа въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сосредоточивалась, какъ въ фокусѣ, на рѣчи, которая предназначалась для произнесенія передъ судьями. Поэтому мы можемъ по сохранившимся рѣчамъ судить болѣе или менѣе увѣренно о характерѣ дѣятельности каждаго изъ логографовъ-адвокатовъ.

Я позволю себѣ остановить ваше вниманіе на характеристикѣ одного изъ древнѣйшихъ логографовъ-адвокатовъ, произведенія которыхъ сохранились до нашего времени, именно Лисія.

Жизнь этого человѣка интересна сама по себѣ. Онъ принадлежитъ къ числу жертвъ жестокаго правленія 30-ти тирановъ, возмутительное отношеніе которыхъ къ жизни и имуществу зажиточной части Аѳинскаго населенія извѣстно. Правленіе этихъ лицъ, составлявшее прямую противоположность демократіи, съ которой Аѳиняне срод-

нились, не могло, понятно, долго продержаться. Временно демократическія учрежденія были уничтожены и, между прочимъ, свобода слова была отнята у народа. Но съ низверженіемъ этого правительства, къ которому во все время его господства Аѳиняне относились съ естественной ненавистью привыкшаго къ свободѣ и высоко образованнаго народа, демократія еще болѣе усилилась, а съ нею возросла и свобода слова. Величайшіе ораторы Аѳинянъ принадлежатъ времени послѣ 30-ти тирановъ и рядъ ихъ хронологически открывается Лисіемъ.

Родившись въ Аѳинахъ, Лисій, однако, какъ сынъ выходца изъ Сиракузъ, былъ не Аѳинскимъ гражданиномъ, а такъ называемымъ *ισοτελήςς*, т. е. оставался иностранцемъ (*μέτοικος*), но пользовался известными преимуществами, данными уже его отцу въ виду заслугъ по отношенію къ Аѳинскому народу.

Отецъ его оставилъ ему и его старшему брату большое состояніе, которое дало ему возможность получить хорошее образованіе и пользоваться преподаваніемъ знаменитаго учителя риторики Тисія.

Въ правленіе тридцати тирановъ ему, какъ убѣжденному приверженцу демократіи, пришлось испытать большія несчастія, рассказать о которыхъ предоставимъ ему самому.

По низверженіи правленія тридцати тирановъ была объявлена всеобщая амнистія, которая должна была распространяться на самихъ тирановъ только въ томъ случаѣ, еслибы они, представъ передъ судомъ, доказали свою невиновность въ совершенныхъ беззаконіяхъ и были оправданы. Большинство ихъ покинуло Аѳины и только двое рѣшилось подвергнуться суду. Противъ одного изъ нихъ, Эратосеена, Лисій выступилъ съ обвиненіемъ въ умерщвленіи брата. Въ этой-то рѣчи, единственной, которую Лисій произнесъ самъ, онъ, касаясь и предшествующей своей жизни, говоритъ о постигшемъ его несчастіи такъ: ¹⁾ „Мой отецъ Кефаль по совѣту Перикла переселился въ эту страну и прожилъ въ ней 30 лѣтъ; притомъ ни съ кѣмъ никогда ни мы, ни онъ не имѣли тяжбы ни какъ обвинители, ни какъ обвиняемые, а жили во время демократіи такъ, что ни другихъ не обижали, ни отъ другихъ не терпѣли несправедливости. Когда же стали во главѣ управленія 30 тирановъ, которые на самомъ дѣлѣ были негодьями и ложными доносчиками, а говорили, что нужно очистить государство отъ беззаконниковъ и направить гражданъ на путь добродѣтели и справедливости,—эти люди, произнося такія слова, не старались сообразовать съ ними своихъ поступковъ... Дѣло въ томъ, что Теогнисъ и Пейсонъ говорили о метѣкахъ въ собраніяхъ 30-ти тирановъ, что есть между ними такіе, которые тяготятся существующимъ государственнымъ

¹⁾ Lysias c. Eratosth. 4—23.

нымъ строемъ, что есть поэтому превосходный поводъ подъ видомъ наказанія добывать деньги, и что во всякомъ случаѣ государство нищенствуетъ и правители нуждаются въ деньгахъ.

Убѣдить своихъ слушателей имъ было нетрудно, потому что убивать людей они ставили ни во что, а прибрѣтать деньги считали дѣломъ большой важности. И вотъ, они рѣшили схватить тридцать душъ и въ числѣ ихъ двухъ бѣдныхъ, чтобы имѣть оправданіе въ глазахъ другихъ людей, что это-де сдѣлано не ради денегъ, а совершенно на пользу государства...

Распредѣливъ между собою дома, они стали производить въ нихъ обыски. Меня они застали за угощеніемъ гостей. Прогнавъ послѣднихъ, они передаютъ меня какъ арестанта Пейсону; остальные же, явившись на нашу фабрику, стали переписывать рабовъ. Я спросилъ Пейсона, не согласится ли онъ спасти меня, если получить за это деньги. Онъ изъявилъ свое согласіе подъ тѣмъ условіемъ, чтобы денегъ было много. Я сказалъ, что готовъ дать талантъ серебра ¹⁾, и онъ согласился сдѣлать это... Послѣ того какъ онъ, накликая гибель на себя и своихъ дѣтей въ случаѣ нарушенія клятвы, поклялся спасти меня по полученіи условеннаго таланта, я иду въ спальню и открываю сундукъ; Пейсонъ, замѣтивъ это, послѣдовалъ за мною и увидѣвъ то, что находится въ сундукѣ, позвалъ двухъ своихъ слугъ и приказалъ имъ забрать содержимое сундука. Такъ какъ ему досталось не столько, сколько было условлено, господа судьи, а *три* таланта серебра, и еще 400 кизикеновъ, 100 дарейковъ и 4 серебряныхъ чаши, то я попросилъ его дать мнѣ денегъ на дорогу, но онъ отвѣтилъ, что я долженъ быть доволенъ, если спасу свою жизнь.

Когда я выходилъ съ Пейсономъ, намъ на встрѣчу попадаютъ Мелобій и Мнесиейдъ, выходившіе изъ фабрики, и повстрѣчавшись съ нами у самой двери, спрашиваютъ, куда мы идемъ. Пейсонъ сказалъ, что идемъ въ помѣстіе моего брата, чтобы посмотрѣть и то, что находится въ томъ домѣ; и вотъ, ему они приказали итти, а мнѣ—слѣдовать за ними въ домъ Дамниппа. Пейсонъ подошелъ ко мнѣ и совѣтовалъ молчать и не падать духомъ, такъ какъ онъ-де прійдетъ туда. Тамъ мы застаемъ Θεогниса стерегущимъ другихъ. Передавъ ему меня, они опять ушли.

Находясь въ такомъ положеніи, я рѣшилъ, что нужно рискнуть, такъ какъ вѣдь смерть была уже неизбежна. Подозвавъ Дамниппа, я говорю ему: „ты ко мнѣ расположенъ, я въ твоемъ домѣ, я ни въ чемъ не виновенъ, я гибну изъ-за денегъ; такъ употреби жъ благосклонно свое вліяніе въ пользу меня, терпящаго это, для моего спасенія“. Онъ

¹⁾ Около 1400 руб. золотомъ.

пообѣщаль исполнить мою просьбу, но ему казалось лучше сообщить Теогнису, такъ какъ думаль, что Теогнисъ сдѣлаеть все, если согласятся дать ему денегъ.

Въ то время, какъ онъ разговариваль съ Теогнисомъ, я, будучи знакомъ съ домою и зная, что въ немъ два выхода, рѣшилъ попробовать спастись такимъ способомъ, разсуждая, что если я скроюсь, то буду спасенъ, а если буду схваченъ, то, разъ Дамниппъ уговорить Теогниса взять денегъ, я все-таки буду отпущенъ, а нѣтъ—все равно умру. Разсудивъ такъ, я обратился въ бѣгство въ то время, какъ они ставили стражу у парадной двери..... Прибывъ въ домъ капитана Археней, я посылаю въ городъ навести справки о моемъ братѣ (Полемархѣ). Возвратившись, посланный сообщилъ, что Эратосеенъ, схвативъ его на улицѣ, отвелъ въ тюрьму. По полученіи этого извѣстія, я на слѣдующую ночь переправился въ Мегару.

Полемарха 30 тирановъ, по ихъ обыкновенію, заставили выпить ядъ, не сообщивъ предварительно вины, за которую онъ долженъ былъ умереть; такимъ образомъ о судѣ и защитѣ не было и помину....

Приобрѣтши 700 шитовъ изъ нашего имущества, приобрѣтши столько серебра и золота, столько мѣди, предметовъ роскоши, домашней утвари и женскаго платья, сколько имъ и на умъ никогда не приходило приобрести,—кромѣ того 120 рабовъ, изъ которыхъ лучшихъ они взяли себѣ, а остальныхъ отдали въ распоряженіе государства,—они дошли до вотъ какой ненасытности и грязной корысти и тѣмъ дали наглядное изображеніе своихъ нравственныхъ качествъ; именно, Мелобій, какъ только вошелъ въ домъ моего брата, вырвалъ изъ ушей жены Полемарха золотыя серьги, которыя какъ разъ были на ней.

Даже относительно малѣйшей части нашего имущества мы не находили въ нихъ состраданія; напротивъ, они поступали съ нами ради денегъ такъ безбожно, какъ другіе поступали бы, пожалуй, питаю гнѣвъ за большія оскорбленія; а вѣдь мы во всякомъ случаѣ заслужили по отношенію къ государству не этого: мы исполняли всѣ хорегіи, дѣлали много взносовъ, жили благопристойно и исполняли всякое приказаніе, не нажили себѣ ни одного врага и выкупили многихъ Аѳинянъ у враговъ.

Такихъ-то бѣдъ они удостоили насъ, пользовавшихся правами метэковъ не такъ, какъ они сами пользовались правами правителей. Вѣдь они прогнали многихъ гражданъ къ врагамъ, многихъ, умертвивши вопреки справедливости, лишили погребенія, многихъ, пользовавшихся гражданской полноправностью, лишили правъ, и не допустили до брака дочерей многихъ гражданъ, которыя должны были выйти за-мужъ; и дошли до такой степени дерзости, что являются въ

намѣреніи оправдываться и говорить, что они-де ничего ни дурного, ни позорнаго не совершили.

Но я бы желалъ, чтобы эти слова ихъ были истиною, такъ какъ очень большая часть блага, которое проистекло бы изъ ихъ благороднаго образа дѣйствій, выпала бы и на мою долю. На самомъ же дѣлѣ дѣйствія ихъ не таковы ни по отношенію къ государству, ни по отношенію ко мнѣ; вѣдь моего брата, какъ я сказалъ..., Эратосеенъ умертвилъ, ни самъ лично не испытавъ отъ него никакой обиды, ни по отношенію къ государству не видя за нимъ никакой вины, а обращая всѣ свои силы на совершеніе беззаконій....“

Этотъ отрывокъ изъ рѣчи Лисія я привелъ почти цѣликомъ въ виду того, что онъ весьма характеренъ для судебныхъ рѣчей этого оратора. Онъ составляетъ ту часть рѣчи, которая у теоретиковъ называется *διήγησις* (*narratio*, рассказъ) и въ которой особенно ярко сказывается своеобразное мастерство Лисія. Онъ, какъ вы, надѣюсь, могли сами убѣдиться, не блещетъ пышными фразами, не бьетъ на эффектъ, въ его изложеніи нѣтъ картинъ, дѣйствующихъ на страсти; напротивъ, его рѣчь проста и спокойна, дѣло въ ней представляется совершенно яснымъ. Все это производитъ впечатлѣніе правдивости и заставляетъ слушателей вѣрить словамъ оратора. Такими чертами отличаются всѣ рассказы (*διηγήσεις*) въ рѣчахъ Лисія.

Спокойна и проста по изложенію и другая, не менѣ важная часть въ рѣчахъ, именно, такъ называемая *ἀπόδειξις* (*argumentatio*, доказательство), въ которой ораторъ приводитъ прямыя и косвенныя доказательства и опровергаетъ высказанные или предполагаемые доводы противника. Въ этой части рѣчей Лисія выступаетъ съ особенной ясностью другая характерная черта нашего оратора: его умѣніе приспособлять рѣчь къ характеру и степени образованности того лица, которое должно было произносить данную рѣчь, и къ составу судей, который былъ различенъ смотря по дѣлу.

Позволю себѣ привести весьма характерный, на мой взглядъ, отрывокъ изъ рѣчи Лисія, которая написана имъ для бѣднаго старика калѣки, получавшаго отъ государства ежегодную субсидію.

Какой-то молодой человѣкъ донесъ сенату (*βουλή*), распредѣлявшему субсидіи и избиравшемуся, какъ извѣстно, ежегодно по жребію изъ всѣхъ гражданъ, что этотъ старикъ имѣетъ мастерскую, ѣздитъ верхомъ, ведетъ знакомство съ богатыми и расточительными людьми и что слѣдовательно, какъ человѣкъ состоятельный, противозаконно пользуется вспомошествованіемъ. Ложность этого обвиненія доказываетъ рѣчь Лисія. Она написана въ шутиломъ тонѣ, характеризующемъ отвѣтника какъ веселаго и остроумнаго старика, который увѣренъ въ

благопріятномъ для него рѣшеніи сената, зная, что онъ съ полнымъ правомъ получаетъ субсидію. Законность своихъ притязаній на вспомошествованіе ораторъ доказываетъ между прочимъ такъ ¹⁾: „Что касается моей верховой ѣзды, о которой этотъ человѣкъ (т. е. возбудившій дѣло) осмѣлился упомянуть передъ вами, ни судьбы не побоявшись, ни васъ не устыдившись, то о ней рѣчь невелика. Я знаю, сенаторы, что всѣ удрученные какимъ-нибудь недугомъ, ищутъ какого-нибудь средства и размышляютъ о томъ, какъ бы имъ всего легче переносить присущее имъ страданіе. Къ числу такихъ людей принадлежу я и удрученный своимъ несчастьемъ придумалъ это средство облегченія при совершеніи болѣе длинныхъ изъ моихъ необходимыхъ путешествій. А вотъ, сенаторы, самое вѣское доказательство того, что я ѣзжу верхомъ вслѣдствіе моего несчастія, а не ради удовольствія, какъ говоритъ этотъ человѣкъ: еслибы я обладалъ состояніемъ, то ѣздилъ бы на удобномъ сѣдлѣ на мулѣ, а не верхомъ на чужихъ лошадяхъ. Теперь же, такъ какъ я не могу приобрести такого сѣдла и мула, я принужденъ пользоваться чужими лошадьми.

Ну съ чѣмъ же это сообразно, сенаторы, что этотъ самый человѣкъ, еслибы видѣлъ меня ѣздящимъ на мулѣ на удобномъ сѣдлѣ, то молчалъ бы (да и въ самомъ дѣлѣ, что жъ бы онъ могъ сказать?), а на томъ основаніи, что я ѣзжу на выпрошенныхъ лошадяхъ, пытается убѣдить васъ, что я человѣкъ, имѣющій достаточно средствъ и силъ для этого? и далѣе, на томъ основаніи, что я пользуюсь двумя палками, тогда какъ остальные люди довольствуются одною, онъ вѣдь не утверждаетъ, что это служить доказательствомъ состоятельности и силы, а тѣмъ, что я ѣзжу верхомъ, пользуется передъ вами какъ доказательствомъ того, что я принадлежу къ числу состоятельныхъ и сильныхъ; но вѣдь къ тому и другому я прибѣгаю по одной и той-же причинѣ“. Далѣе въ своей аргументаціи ораторъ говоритъ, что если сенатъ его признаетъ состоятельнымъ и здоровымъ, то что-же ему можетъ помѣшать выступить кандидатомъ въ архонты. Если принять во вниманіе, что архонты были высшими сановниками государства и что кандидатами въ архонты имѣли право выступать только люди вполне здоровые и матеріально обеспеченные, то можно себѣ живо представить, какой смѣхъ долженъ былъ вызвать у судей этотъ выводъ бѣдняка, чуть не оборванца-калѣки. И въ такомъ духѣ составлена вся рѣчь.

Само собою понятно, что такой тонъ рѣчи былъ умѣстенъ только въ дѣлѣ о грошахъ; въ большинствѣ дошедшихъ до насъ рѣчей Лисія, понятно, тонъ вполне серьезный. Позволю себѣ привести отрывокъ *ἀπόδειξις*’а изъ рѣчи, написанной имъ для зажиточнаго человѣка, ко-

¹⁾ Lys. XXIV, 10 sqq.

торый обвинялся передъ судомъ Ареопага молодымъ сивофантомъ (по нашему—профессіональнымъ доносчикомъ) въ крупномъ государственномъ преступленіи: уничтоженіи на своей землѣ общественнаго оливковаго дерева. Важность этого преступленія была обусловлена религиозными и національно-экономическими мотивами: оливковое дерево было даромъ богини Аѳины и однимъ изъ главныхъ источниковъ народнаго благосостоянія. Уничтоженіе принадлежащаго государству оливковаго дерева наказывалось изгнаніемъ и конфискаціею имущества.

Постаравшись установить свидѣтельскими показаніями, что участокъ земли, на которомъ стояло будто-бы уничтоженное имъ оливковое дерево, сдавался имъ въ теченіе ряда лѣтъ въ аренду и что уже въ то время этого дерева тамъ не было, обвиняемый продолжаетъ: ¹⁾ „Ареопагиты, въ прежнее время я, конечно, сердился бы на тѣхъ, которые стали бы утверждать, что я ловкій и аккуратный малый и ничего на обумъ и безъ разсчета не сдѣлаю: мнѣ было пріятно, чтобы обо мнѣ говорили то, что соотвѣтствовало истинѣ. Теперь же мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы всѣ были обо мнѣ именно такого мнѣнія, для того чтобы у васъ сложилось убѣжденіе, что я, еслибы рѣшался на такого рода поступки, то обдумывалъ бы: какая польза произойдетъ для меня, если я уничтожу, и какой вредъ, если сохраню,—и чего я достигну, если не буду уличенъ, и что потерплю отъ васъ, если мой поступокъ будетъ обнаруженъ. Вѣдь люди совершаютъ подобныя поступки не ради прихоти, а ради выгоды,—и вы должны стоять на *этой* точкѣ зрѣнія, а равнымъ образомъ и обвинители должны основывать свои обвиненія на *этомъ* положеніи и показывать, какая польза могла произойти для совершившихъ преступленіе. А мой обвинитель не можетъ доказать ни того, что меня заставляеть бѣдность прибѣгать къ подобнымъ поступкамъ, ни того, что мой участокъ страдалъ отъ находенія на немъ оливковаго дерева, или что оно мѣшало винограду, или что стояло слишкомъ близко около дома, или что мнѣ были неизвѣстны опасности, которымъ я подвергалъ себя передъ вами. Напротивъ, я могу указать много большихъ невыгодъ, которыя должны были произойти для меня. Во первыхъ, я будто бы вырубивалъ дерево среди дня, точно нужно было дѣйствовать не тайно, а такъ, чтобы знали всѣ Аѳиняне; затѣмъ, еслибы это дѣло было только позорно, то, пожалуй, прохожій не обратилъ бы на него вниманія, но въ данномъ случаѣ мнѣ угрожалъ не позоръ, а величайшее наказаніе. Да развѣ бы я не былъ самымъ жалкимъ изъ всѣхъ людей, еслибы сознательно на всю жизнь дѣлалъ изъ своихъ собственныхъ слугъ уже не рабовъ, а господъ, разъ такое дѣло было бы имъ извѣстно? Въ такомъ случаѣ мнѣ было бы невозможно

¹⁾ I.ys. VII, § 12 sqq.

наказывать ихъ, даже еслибы они совершали величайшіе проступки противъ меня. Вѣдь я бы зналъ, что въ ихъ власти мнѣ отомстить, а имъ самимъ получить свободу, сдѣлавъ доносъ на меня. Но кромѣ того, еслибы мнѣ пришло въ голову не обращать никакого вниманія на рабовъ, то какъ бы я могъ рѣшиться при столькихъ арендаторахъ, которые знали бы объ этомъ, уничтожить дерево съ одной стороны ради ничтожной выгоды, а съ другой въ виду того, что, при отсутствіи давности для такого судебного преслѣдованія, для всѣхъ воздѣльвателей этого участка было одинаково важно, чтобы дерево было сохранено, для того чтобы имѣть возможность свалить вину на того, кому они передали его, еслибы кто-нибудь сталъ ихъ обвинять? Теперь же они, какъ видите, устанавливаютъ мою невиновность и, если лгутъ, то взводятъ вину на самихъ себя. Еслибы однако я уладилъ и это, то какъ бы я могъ склонить на свою сторону прохожихъ или сосѣдей? Вѣдь эти послѣдніе знаютъ другъ о другѣ не только то, что можетъ видѣть всякій, но и то, что мы считаемъ никому неизвѣстнымъ, такъ какъ дѣлаемъ его скрытно“.

Чтобы не утомлять вашего вниманія, ограничиваюсь приведенными отрывками. Переводъ, конечно, не можетъ передать особенностей въ выборѣ словъ, въ построеніи предложеній и періодовъ, которые характеризуютъ сами по себѣ лицо, произносившее рѣчь, но мнѣ кажется, что и такъ въ приведенныхъ отрывкахъ выступаютъ достаточно наглядно характерныя черты судебныхъ рѣчей Лисія: не возбужденіе страстей въ слушателяхъ, какъ у позднѣйшихъ Аѳинскихъ ораторовъ, было его цѣлью; онъ стремился *убѣдить* слушателей въ правотѣ отстаиваемаго имъ дѣла и поэтому старался придавать своимъ рѣчамъ спокойный тонъ и принаравливать ихъ къ индивидуальности даннаго кліента. Въ этомъ заключается особенность рѣчей Лисія, отличающая ихъ отъ рѣчей всѣхъ другихъ ораторовъ и ставящая ихъ на одну ступень съ произведеніями величайшихъ адвокатовъ,

Тѣмъ, что я сказалъ, конечно, далеко не исчерпанъ вопросъ объ адвокатурѣ у древнихъ Аѳинянъ во всемъ его объемѣ. Но это и не было моей цѣлью: я хотѣлъ только указать на тѣ корни, выросшіе на почвѣ эллинской культуры, изъ которыхъ развилось учрежденіе, столь распространенное во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ; я хотѣлъ указать на одно изъ тѣхъ явленій эллинской жизни, полное и всестороннее изученіе которыхъ должно пролить новый свѣтъ на соотвѣтствующія явленія современной жизни. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ ученые юристы, изучая римское право до мельчайшихъ подробностей, оставляютъ совершенно въ сторонѣ право древнихъ грековъ, а между тѣмъ ихъ право и спеціально право Аѳинянъ было развито настолько, что

пренебрегать имъ нельзя. Вотъ что говоритъ выдающійся знатокъ Аѳинскаго права, проф. Лейпцигскаго университета Липсіусъ: 1) „Часто высказывалось положеніе, что значеніе грековъ для насъ заключается въ совершенствѣ ихъ искусства и литературы, величіе римлянъ основано на развитіи ихъ государственныхъ и правовыхъ установленій,— и никто не станетъ отрицать истины, лежащей въ основѣ этого положенія. Но, какъ мы въ виду этого вѣдь не отказываемъ въ подобающемъ признаніи достоинствъ за тѣми твореніями литературы и искусства, которыя создалъ римскій духъ, оплодотворенный эллинской цивилизаціею, такъ точно не слѣдовало бы оцѣнивать слишкомъ низко того, что сдѣлано греческимъ народомъ въ области государственной и правовой жизни“.

Не будучи юристомъ, я не беру на себя смѣлости утверждать, что изученіе права Аѳинянъ можетъ принести пользу практической юриспруденціи, но могу съ увѣренностью сказать, что въ историческомъ изученіи юридическихъ дисциплинъ долженъ оставаться болѣе или менѣе крупный пробѣлъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ обращено должное вниманіе на право эллиновъ, которое установилось не путемъ заимствованія и дальнѣйшаго развитія *чужого* права, а выросло на эллинской почвѣ, вызванное необходимостью юридически урегулировать жизнь столь даровитого и подвижнаго народа, какъ эллины.

Изъ моего бѣглаго очерка можно, надѣюсь, усмотрѣть, что зародышей нынѣшней адвокатуры нужно искать въ эллинской культурѣ. Это должно послужить новымъ доказательствомъ того общаго положенія, что для отысканія исходнаго пункта всякаго явленія культурной жизни теперешнихъ цивилизованныхъ народовъ мы должны обращаться къ культурѣ классическихъ народовъ и спеціально къ эллинской культурѣ. Да, Мм. Гг. и М-ня Г-ни, изученіе этой культуры такъ-же необходимо для успѣховъ просвѣщенія, какъ необходима соль въ пищѣ для организма. И кому же, какъ не русскимъ ученымъ, изучать эллинскую культуру?! Вѣдь она перешла къ намъ черезъ Византію какъ прямое, хотя и растратенное въ значительной степени, наслѣдство.

Пожелаемъ же безпрепятственнаго роста этой отрасли знанія въ нашемъ дорогомъ отечествѣ, и да процвѣтаетъ въ немъ просвѣщеніе, да процвѣтаетъ одна изъ расадницъ его, наша *alma mater!*

1) I. H. Lipsius. Von der Bedeutung des griechischen Rechts. Rede am 23. April 1893 in der Aula der Universität Leipzig gehalten. Pag. 7 sq.